

Цзи Яо чувствовал, что его актёрскому мастерству тут устроили настоящую проверку на прочность. Долго он так не протянет.

Что вообще происходит? Кругом сплошные ловушки, он словно оказался между молотом и наковальней. Сколько он себя ни щипал — больно же! Значит, точно не сон. Был бы сон, он бы уже сто раз проснулся.

К тому же эти дурацкие шелка, развевающиеся при каждом шаге, жутко раздражали. На дворе начало сентября, неужто в таком тряпье не жарко?

Парень и не подозревал, что Цзи Яньсин только что вернулся из Императорских гробниц, где круглый год царил могильная стужа. Впрочем, когда на душе ледяной холод, человеку обычно не до капризов погоды.

Дэбао, конечно, не мог читать мысли своего господина. Евнух просто стоял рядом, пребывая в глубочайшем недоумении.

Император Ци, восседавший на возвышении, вновь обрёл царственное величие. Окинув залу взглядом, он произнёс звучным, уверенным голосом:

— Яньсин, ты вернулся как нельзя вовремя. В Великом Ди сменился каган, и теперь эти варвары алчно взирают на наши границы, без конца совершая набеги на мирных жителей. Сейчас они намерены прислать к нам послов. Если бы решение зависело от тебя, как бы ты поступил?

Цзи Яо почувствовал себя так, словно на его бедную голову один за другим сыпались громовые удары. Десятки взглядов министров и сановников упёрлись ему в спину — казалось, ещё немного, и прожгут дыру. Ну какой из него великий стратег и государственный муж? Он в школе-то за контрольную по математике едва наскребал двадцать пять баллов!

В его голове лихорадочно крутился один-единственный вопрос: как соврать поубедительнее? Какую чушь спороть, чтобы сойти за умного?

Молчание затягивалось.

— Господин? — едва слышно шепнул Дэбао, пытаясь растормошить его.

Цзи Яо набрал в грудь воздуха и выжал из себя:

— Докладываю отцу-императору...

Стоило этой фразе сорваться с его губ, как в глазах императора Ци снова подозрительно заблестели слёзы.

«Ну и дела, — пронеслось в мыслях у парня. — Цзяо-цзяо, не трусь! Судя по тому, как этот старик на меня смотрит, я могу прямо сейчас заявить, что мне надоело и я иду спать, и мне за это ничего не будет».

— Раз уж они так хотят прислать послов, пусть присылают. Нам скрывать нечего.

Среди министров тут же поднялся глухой ропот. Что за глупость? О чём вообще думает Седьмой принц?

— Седьмой брат! — не дожидаясь, пока заговорит император, вперёд вышагнул Цзи Юань. — Если мы примем их с распростёртыми объятиями и начнём вести мирные беседы, они решат, что Государство Ци их испугалось!

— Я вообще-то ещё не договорил, — невозмутимо парировал Цзи Яо. — Или у второго брата уже готов безупречный план противодействия?

Цзи Юань поперхнулся от такой дерзости и процедил сквозь зубы:

— Нет.

Цзи Яо судорожно выуживал из глубин памяти сюжеты исторических дорам, которые когда-то смотрел краем глаза, и продолжил:

— Смена власти у соседей кажется отличным моментом для превентивного удара. Но верно и обратное: мы понятия не имеем, на что способен их новый правитель. Их посольство наверняка явится с единственной целью — прощупать почву, вывести наши слабые места и, возможно, даже...

— Что «даже»? — не выдержал кто-то из придворных.

—...даже подкупить кое-кого из наших высокопоставленных мужей, чтобы заключить тайный союз прямо у нас под носом.

Стоило Цзи Яо озвучить эту мысль, как в зале поднялся невообразимый шум. Сановники один за другим падали на колени, клянясь в верности:

— Ваше Величество, внимайте! Наша преданность Государству Ци чиста, как солнце и луна!

Все они недоумевали: откуда у Седьмого принца взялось столько дерзости, чтобы бросаться подобными обвинениями прямо на совете?

Но это был блестящий тактический ход — напугать тигра, ударив по горе. Теперь любой, кто действительно замыслил предательство или подумывал о сговоре с врагом, трижды побоится сделать лишний шаг.

— Ну что вы, господа, к чему такие страсти? Я лишь указал на одну из вероятностей, — примирительно улыбнулся Цзи Яо.

Придворные прекрасно знали: нет ничего страшнее монаршего недоверия. Если император усомнится в их верности, никакие оправдания не спасут головы от плахи.

— И всё же, если варвары хотят прислать послов, мы обязаны их принять.

— О как? И почему же? — заинтересовался император Ци.

Такие суждения мало вязались с прежним бунтарским характером Цзи Яньсина. Нынешнее поведение сына казалось правителю непривычным, но невероятно зрелым.

— А кто сказал, что мы обязаны вести с ними дружеские беседы? Против них нужно применить старый как мир принцип: сначала проявить почтение, а затем пустить в ход оружие. Если они явятся с миром и покорностью, мы лишь слегка погрозим им пальцем. Если же затаят злобу — у нас найдутся меры. Судя по донесениям, эти дикари миролюбием не отличаются. Наверняка попытаются разыграть какую-нибудь нелепую карту, чтобы выставить нас в дурном свете.

Старший принц, Цзи Чун, явно недоумевал:

— Рассуждения седьмого брата разумны, но как именно мы заставим их прикусить языки?

В голове Цзи Яо внезапно вспыхнула отличная идея. Улыбнувшись, он спросил:

— Позвольте узнать у отца-императора, какова общая численность войск нашего Государства Ци?

— Около трёхсот пятидесяти тысяч, — ответил император.

— А сколько из них расквартировано в столице? — уточнил парень, припоминая, что главный город империи и есть их оплот.

Из нестройных рядов сановников, гремя тяжёлыми доспехами, выступил суровый мужчина.

— Докладываю Седьмому принцу: гарнизон столицы насчитывает порядка ста пятидесяти тысяч воинов.

«Ого, а этот громила, судя по всему, целый генерал», — мысленно присвистнул Цзи Яо. Ростом вояка точно выдался в тех легендарных богатырей, о которых пишут в романах: сажень в плечах, косая в груди. Для полноценной затяжной войны ста пятидесяти тысяч, может, и маловато, но для его задумки — более чем достаточно. Если уж у огромного Государства Ци армия казалась не такой уж внушительной, то у мелких кочевых племён дела наверняка обстоят куда плачевнее.

— И когда же эти послы планируют прибыть? — поинтересовался Цзи Яо, прикидывая сроки.

— Если Ваше Величество подпишет указ, то с учётом дороги они будут здесь примерно через двадцать дней, — отозвался один из чиновников.

— Какова численность их свиты?

Вперёд выступил помощник министра ритуалов:

— Согласно установленному протоколу, посольская миссия не должна превышать шестидесяти человек. При этом среди них может быть не более пяти чиновников ранга выше третьего.

Правило логичное: государственные тайны берегли строго, и допускать во вражескую столицу слишком влиятельных вельмож никто бы не стал.

Цзи Яо хитро прищурился. План обрёл чёткие очертания.

— Отец-император, вы можете отправить им одобрительный ответ, но с одной важной оговоркой: пусть их каган присылает делегацию численностью до трёхсот человек. И ранги высокопоставленных чиновников в этой свите мы ограничивать не станем. Пусть берут кого захотят.

Канцлер Хун Цю в панике замахал широкими рукавами:

— Ваше Величество! Подобное в корне противоречит всем правилам и обычаям! Это неслыханно!

Император Ци и сам пребывал в некотором замешательстве, но поспешил успокоить сановников:

— Полно вам горячиться. Яньсин, дитя моё, объясни, к чему такие побряжки врагу? Какой у тебя умысел?

Цзи Яо открыл было рот, но вовремя осёкся. Он окинул взглядом притихший зал. На лицах придворных читалась целая гамма чувств: от настороженности до откровенной неприязни. По закону жанра исторических драм среди этой толпы наверняка притаилась парочка шпионов Ди.

— Отец-император, эту тайну я могу поведать только вам наедине.

— К чему эти дешёвые тайны, седьмой брат?! — вскипел Цзи Юань, окончательно теряя самообладание. — Разве здесь есть те, от кого благородному принцу нужно что-то скрывать?

— Довольно, — властно прервал его император Ци. Любопытство правителя разгорелось не на шутку. Сын с малых лет отличался острым умом и не раз удивлял его нестандартными решениями, но сейчас его уверенность просто поражала. — Я позволяю это. Всем разойтись. Яньсин, останься.

Придворные, терзаемые смутными сомнениями, покинули Зал Провозглашения Управления. Огласив своды троекратным пожеланием десяти тысяч лет жизни императору, они потянулись к выходу, разбившись на небольшие группы.

— Господин Чжоу, вам не показалось, что Седьмой принц сегодня вёл себя крайне причудливо? — негромко спросил один из чиновников.

— Ни для кого в столице не секрет, что Седьмой принц никогда не ладил с Его Величеством, — отозвался его собеседник. — И сегодняшнее представление действительно ставит в тупик. Что думаете на этот счёт, господин Цао?

— А по-моему, ничего странного, — покачал головой тот. — Сыновний долг и отцовская любовь — вещи естественные. Быть может, поездка к императорским гробницам заставила Его Высочество одуматься?

— Полно вам, — усмехнулся стоявший рядом вельможа. — Разве в императорской семье бывает место искренним чувствам? Седьмой принц попросту решил вступить в борьбу за престол.

— Хотите сказать, он разыгрывает карту сыновней почтительности?

— Именно. Его Величество всегда испытывал перед ним вину. Хоть Седьмой принц прежде и не переходил границ, все мы видели, насколько император к нему благосклонен. Теперь, когда сын проявил покорность, их примирение изменит всё... Боюсь, теперь место наследника престола у Седьмого принца в кармане.

Слушавший этот разговор Цзи Юань до боли сжал кулаки.

«Цзи Яньсин... Какую бы игру ты ни затеял на этот раз, я сотру тебя в порошок. Ты больше

никогда не поднимешь головы».

Задние покои дворца

— Ну вот, теперь мы одни, — мягко произнёс император. — Рассказывай, Яньсин.

Цзи Яо больше не мог терпеть эту удушающую жару. Сорвав с себя тяжеленный меховой плащ, он бесцеремонно всучил его в руки опешившему Дэбао. Оставшись в одном лишь чёрном одеянии, юноша казался необычайно статным и подтянутым. Император Ци залюбовался сыном — не зря в народе его величали самым блистательным принцем Государства Ци.

— Чтобы удержать чужеземцев от пагубных помыслов, есть всего два пути, — заговорил Цзи Яо, мысленно похвалив себя за то, что усердно заучивал реплики на съёмках исторических сериалов. — Первый — это подавление. Второй — устрашение.

— Вот как?

— С подавлением всё ясно без слов. Устрашение же строится на первобытном, глубинном страхе, который заставит врага трепетать. Для этого нам потребуется провести полномасштабный военный смотр. Парад.

— Парад? Ты имеешь в виду торжественное построение воинов перед стенами города? — нахмурился император. Подобные ритуалы существовали с древности, и в Государстве Ци их проводили не раз.

— Именно. Но это не должно быть унылое стояние на месте, когда солдаты застывают подобно каменным изваяниям.

— А что же тогда?

— Они должны двигаться! — В голове Цзи Яо тут же заиграл весёлый эстрадный мотивчик. — Те, кто охраняет столицу — бесспорно, элита нашей армии. Мы отберём пятьдесят тысяч лучших из лучших. Пусть они выстроятся ровными шеренгами от самых дворцовых врат вдоль по главной улице на целых десять ли.

Император Ци слушал затаив дыхание. Подобный подход казался ему чем-то совершенно невиданным. Он пристально разглядывал сына, пытаясь разгадать его замысел.

— Вы сядете в императорскую колесницу и двинетесь от дворцовых врат, а за вами последуют повозки чужеземных гостей, — воодушевлённо продолжал Цзи Яо. — Каждые двадцать шагов

вы будете громогласно восклицать: «Воины, вы славно потрудились ради отечества!» А солдаты в ответ в один голос проревут: «Слава Государству Ци! Сокрушим любого врага! Слава Государству Ци, непобедимому вовек!»

У самого Цзи Яо внутри всё сжималось от страха.

«Надеюсь, это звучит достаточно пафосно и я не опозорился?»

Император задумчиво опустил голову. Он оставался бесстрастным и хранил молчание.

Тогда Цзи Яо продолжил:

— Это будет первая часть нашего плана: мы в движении, армия — недвижима. Но следом должно пойти обратное: войско движется, а мы остаёмся на месте.

— И как же это устроить?

— Когда совместный объезд завершится, вы подниметесь вместе с послами на надвратную башню и займёте почётные места. А внизу перед вами стройными рядами пройдут по две тысячи воинов от каждого рода войск, демонстрируя своё грозное оружие и боевую выучку.

Император Ци был поражён до глубины души. Истинный правитель обязан просчитывать каждый шаг на десять ходов вперёд. На первый взгляд затея сына казалась лишь пышным зрелищем, но на деле она была без промаха сразу по четырём мишеням!

Во-первых, простые солдаты привыкли думать, что небо высоко, а император далеко. Личная благодарность владыки вознесёт его авторитет в войсках до небес.

Во-вторых, отбор участников для парада неизбежно потребует состязаний, что позволит выявить преданных делу талантливых офицеров и собрать вокруг себя верных людей.

В-третьих, простые горожане, заполнившие улицы, увидят величие монарха и преданность защитников. Это сплотит народ и укрепит веру в престол.

И в-четвёртых, самое главное на сегодняшний день: дикие послы воочию узрят несокрушимую мощь армии Государства Ци. Они трижды подумают, прежде чем затевать смуту на границах.

— Ну так что скажете, отец-император? — осторожно спросил Цзи Яо.

— Твой дед был абсолютно прав, — тихо произнёс император Ци.

Над головой Цзи Яо зажёгся воображаемый знак вопроса, зато стоявший позади Дэбао едва не подпрыгнул от восторга.

— Но у такого дела есть и обратная сторона, — посерьёзnel император Ци. — Потребуются сложнейшие расчёты, выучка и строгий порядок.

— Если отец-император доверяет мне, я готов лично заняться подготовкой солдат, — выпалил Цзи Яо и тут же мысленно отвесил себе смачную пощёчину.

«Идиот! Ну куда тебя несёт? Язык мой — враг мой. Зачем ты вызвался на это безумие? Мало тебе риска разоблачения? Ладно, слово не воробей, теперь уже не отвертишься».

В памяти парня ещё свежи были кошмары недавней обязательной армейской подготовки в академии, после которой он загорел до черноты. Что ж, пришло время отыгаться на местных вояках и применить университетскую муштру на практике.

— Прекрасно! Превосходно! — просиял правитель. — Мой сын одарён не только умом, но и выдающимся ратным мастерством. Уверен, ты оправдаешь мои надежды!

«Чего?! Выдающееся ратное мастерство? Он ещё и драться умеет? Вот уж попал так попал... Ладно, на поле боя меня пока никто не гонит, а там как-нибудь выкручусь».

Цзи Яо по-прежнему не представлял, как вернуться в свой мир, и это незнание давило на него тяжёлым грузом. Нужно было срочно ковать железо, пока горячо, и стелить соломку. Будет чертовски обидно сгинуть от руки новоявленного папаши до того, как отыщется путь домой.

— Отец-император, признаюсь честно: у Императорских гробниц на меня снизошло озарение. Многих вещей из прошлого я теперь попросту не помню. Прошу вас проявить снисходительность.

В ушах императора эти слова прозвучали как долгожданное прощение. Сын предлагал забыть былые обиды и начать всё с чистого листа! Правитель едва сдерживал ликование — он слишком долго ждал этого дня.

— Твой отец никогда и не держал на тебя зла, — растроганно произнёс он. — Что было, то прошло. Больше мы к этому не вернёмся.

В юности, если бы не воля покойной императрицы, они с благородной супругой Цзяюань были бы идеальной парой. Другие сыновья с малых лет трепетали перед ним и благоговейно звали «Отец-император». И лишь маленький Яньсин беззаботно карабкался к нему на колени и ласково звал просто папой. Но после безвременной кончины любимой супруги эта теплота навсегда исчезла из их отношений. И вот теперь она возвращалась.

«Эх, старик, ты меня совсем не так понял, — мысленно вздохнул Цзи Яо. — Я ведь действительно ни черта не помню...»

Впрочем, если застрянет здесь надолго, поддержка первого лица государства окажется бесценной. Иметь такого покровителя — лучшая гарантия безопасности. К тому же лицо императора один в один походило на лицо его собственного отца из реального мира. Сердце Цзи Яо предательски сжалось от нежности. В конце концов, папа всегда остаётся папой, где бы они ни находились. Без всякого стеснения он негромко произнёс:

— Папа.

Для императора Ци этот день стал счастливее любого праздника. В порыве великодушия он щедрой рукой пожаловал сыну гору сокровищ, не обделив наградой и каждого слугу, дежурившего сегодня в зале.

— О наших намерениях можно пустить слух в народе, чтобы подготовить почву, — деловито заметил Цзи Яо. — Но саму подготовку следует держать в тайне. Мне понадобятся ваши самые верные люди из числа военных чинов.

— Будет сделано! — воскликнул воодушевлённый император. — Фушоу, немедленно призови сюда генералов Чжан Цзяна и Пан Дэ!

— Слушаюсь, Ваше Величество, — отозвался старый евнух.

Император Ци прекрасно осознавал всю важность задуманного. Он давно подозревал, что при дворе окопались предатели и лазутчики, и рано или поздно намеревался устроить среди чиновников грандиозную чистку.

Вскоре в покои вошли генералы. Увидев, что Седьмой принц всё ещё находится подле отца, они не смогли скрыть удивления.

Правитель представил их сыну, заверив, что эти люди преданы ему ещё со времён его пребывания на посту наследника престола, после чего велел Цзи Яо изложить им суть плана.

Выслушав юношу, военачальники застыли в немом благоговении. Наконец один из них заговорил:

— Ваше Величество! Мы — простые вояки, привыкшие лишь махать мечами да водить полки в бой. Но иметь такого наследника — истинное благословение небес для вас и для всего нашего Государства Ци.

Глубина и дальновидность этого замысла глубоко поразили их. Сами они ни за что не додумались бы до столь изящного решения.

Император Ци расплылся в довольной улыбке. Во все времена отцы одинаково падки на похвалу своим сыновьям. Это чувство не шло ни в какое сравнение с лестью в собственный адрес: в ушах правителя хвалебные речи звучали как подтверждение его личной мудрости и таланта наставника. У тигра родился дракон, и величие отца отражалось в сыне.

Сам Цзи Яо относился к ситуации куда проще. Он прекрасно понимал, что всего лишь воспользовался опытом развитой цивилизации двадцать первого века и провернул хитрый фокус. Принимать лавры гения ему было откровенно неловко.

— Генералы слишком щедры на похвалу, — скромно произнёс он, отвесив лёгкий поклон. — На кону стоит честь нашей державы, поэтому я всем сердцем уповаю на вашу поддержку.

Вежливость правила миром: без помощи этих суровых мужчин он бы не смог заставить подчиняться даже десяток солдат, не говоря уже о многотысячной армии.

— Мы костями ляжем, но исполним ваш приказ, Ваше Высочество! — в один голос ответили военачальники.

— Яньсин, ты проделал долгий путь и наверняка смертельно устал, — мягко прервал их император. — Возвращайся к себе и отдохни. Сегодня я подпишу все бумаги касательно послов, а завтра вы втроем соберётесь здесь же, в моих покоях, чтобы обсудить детали. Я освобожу для вас залу.

Цзи Яо поспешно скопировал виденный в фильмах жест — почтительно сложил ладони и поклонился:

— Благодарю, отец-император. Позвольте откланяться.

Наконец-то свобода! У него в голове билась одна-единственная мысль: сегодня же, чего бы это ни стоило, разобраться с возвращением домой.

Дэбао даже не успел расспросить господина о сегодняшних странностях. Цзи Яо, трижды едва не перепутав двери в незнакомом дворце, вихрем ворвался в свои покои и заперся изнутри, строго-настрого запретив кому бы то ни было входить.

По дороге в спальню парень перебрал в уме добрую сотню самых безумных способов вернуться в свой мир: расшибить лоб о стену, закопаться живьём, выпить яду или банально вздёрнуться на балке. Все варианты казались один краше другого, но крайне сомнительными. Вдруг он наткнулся пальцами в рукаве на круглый твёрдый предмет.

Достав его, Цзи Яо обомлел. Это был тот самый Девятицветный кубок из глазури, который он купил у странного старика на рынке! Ни вещички из его прежней жизни не уцелела, а эта безделушка упрямо последовала за ним.

Юноша тут же развил бурную деятельность: наливал в кубок воду, пытался нагреть над пламенем свечи, ловил им солнечные лучи из открытого окна... Всё без толку. Проклятая посудина никак не реагировала. От злости и бессилия безумно захотелось швырнуть её об пол.

«Разбить? А если это сработает?»

Он занёс руку, но в последний момент замер. Нет, рисковать нельзя. Раз уж кубок перенёсся вместе с ним, он точно как-то связан с этим миром. Если разбить его сейчас, то пиши пропало — застрянет здесь навечно.

За окном сгустились сумерки. Измождённый Цзи Яо тяжело вздохнул и рухнул лицом на стол. Вперив унылый взгляд в злосчастную чашу, он принялся тоскливо бормотать:

— Да что ж это за дыра такая... Господи, я домой хочу! Верните мне вайфай, сериалы, чипсы и горячий сытный хот-пот! А-а-а-а, за что мне всё это?!

<http://bllate.org/book/20677/2130876>